

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА



Любовь Воронкова

ДЕВОЧКА ИЗ ГОРОДА



Любовь Федоровна Воронкова
Девочка из города (сборник)
Серия «Школьная библиотека (Детская литература)»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7062865
Девочка из города. Гуси-лебеди: Детская литература; Москва; 2010
ISBN 978-5-08-004550-9*

Аннотация

В книгу входят две повести известной детской писательницы.

В повести «Девочка из города» рассказывается о девочке, осиротевшей во время Великой Отечественной войны, о добрых людях, ее приютивших.

Повесть «Гуси-лебеди» рассказывает о маленькой деревенской девочке Аниске. Некоторые ребята считают её некрасивой, задиристой девчонкой и совсем не замечают, какое у нее доброе сердце.

Обе повести о детстве, о любви к Родине, доброте, дружбе людей.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Волшебный сад Л. Воронковой	5
Девочка из города	6
Вступление	7
Утро	10
Страшный суд	12
Новые знакомые	15
Мать устраивает необыкновенную баню	20
У Романка появляется танковая бригада	22
Гости пьют чай с лепешками и осуждают мать	27
Девочки остаются в доме одни и ведут хозяйство	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Любовь Федоровна Воронкова
Девочка из города
Гуси-лебеди
Повести



Л. Воронкова

1906–1976

Волшебный сад Л. Воронковой

Имя Любови Федоровны Воронковой, написавшей «Девочку из города», известно не только в нашей стране. Ее книги читают дети Японии, Чехии, Словакии, Франции, Вьетнама. На многих языках разговаривают герои ее книг, родное слово которых – русское.

Любовь Федоровна родилась в Москве в 1906 году. Умерла в 1976 году. Детство и юность ее прошли в деревне. Она рано узнала нелегкий труд на земле. Научилась делать все работы, необходимые в крестьянском хозяйстве: и сеять, и косить, и молотить. Наверное, с тех пор и родилась у нее привычка работать упорно, с увлечением. Добиваться намеченной цели.

Среди лесов на берегу тихой речки Люба научилась понимать голоса птиц и зверей. И навсегда полюбила русскую природу.

Там стала она сочинять первые стихи. Там училась яркому, поэтичному слову, которое ожило в ее книгах, когда она стала писательницей.

Она написала много книг. И ее писательский труд больше всего хочется сравнить с добрым трудом садовника. В том необыкновенном саду, который она заботливо и радостно растила всю жизнь, есть и маленькие деревца – рассказы и сказки. И большие, с глубокими корнями – повести и даже роман.

Заглянем же в этот чудо-сад. Пройдем по его тропинкам и полянам.

Вот оно – волшебное дерево! У него много стволов, а корень один – в русской деревне. Это проза для младших школьников: «Солнечный денек», «Золотые ключики», «Снег идет», «Волшебный берег», «Девочка из города», «Гуси-лебеди».

А вот еще одно дерево. Тоже многоствольное. Это книги для подростков: «Старшая сестра», «Личное счастье», «Алтайская повесть» – хорошие, добродетельные помощники для тех, кто ищет свое место в жизни. И учат они важным вещам: уважению к труду, настоящей дружбе, чувству собственного достоинства.

В саду творчества все возможно. И потому там выросло совсем уже диковинное дерево. Его могучие корни уходят глубоко в землю древних миров: Грецию, Персию, Среднюю Азию и страны, названий которых нет на современных географических картах. Это исторические произведения: «След огненной жизни», «Мессенские войны», «Сын Зевса», «Герой Саламина».

Живет и не старится сад чудесного садовника. Каждое дерево в нем само по себе, нет одинаковых. У каждого свой облик. И все-таки есть там самое приметное – повесть «Девочка из города».

Эта книга написана в годы войны. Написана человеком, у которого мудрое, участливое сердце.

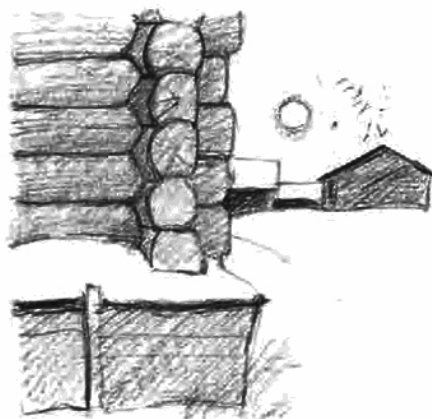
Своими глазами видела писательница все те бедствия, которые принесла с собой война. Видела разрушенные селенья, горящие дома, беженцев, бредущих по дорогам. И вполне возможно, что среди этих обездоленных людей она увидела героиню своей книжки – Валентинку. Девочку из города, на глазах которой погибла мать.

Валентинка не осталась одинокой. В те лихие дни пришли к ней на помощь незнакомые люди. А чужая женщина стала ей матерью.

Уже долгие годы живут повести «Девочка из города» и «Гуси-лебеди», путешествуя из страны в страну. И всюду они трогают сердца читателей: и маленьких, и взрослых. Это и понятно. Ведь они рассказывают не только о великом горе, но и о великой человеческой доброте. Той, что помогает выстоять в беде и не потерять веру в жизнь. А это остается главным на все времена.

В. Путилина

Девочка из города



Вступление

Как девочка в синем капоре появилась в селе Нечаеве



Фронт был далеко от села Нечаева. Нечаевские колхозники не слышали грохота орудий, не видели, как бьются в небе самолеты и как полыхает по ночам зарево пожаров там, где враг проходит по Русской земле. Но оттуда, где был фронт, шли через Нечаево беженцы. Они тащили салазки с узелками, горбились под тяжестью сумок и мешков. Цепляясь за платье матерей, шли и вязли в снегу ребятишки. Останавливались, грелись по избам бездомные люди и шли дальше.

Однажды в сумерки, когда тень от старой березы протянулась до самой житницы, в избу к Шалихиным постучались.

Рыжеватая проворная девочка Таиска бросилась к боковому окну, уткнулась носом в проталину, и обе ее косички весело задрались вверх.

– Две тетеньки! – закричала она. – Одна молодая, в шарфе! А другая совсем старушка, с палочкой! И еще... глядите – девчонка!

Груша, старшая Таискина сестра, отложила чулок, который вязала, и тоже подошла к окну.

– И правда девчонка. В синем капоре...

– Так идите же откройте, – сказала мать. – Чего ждете-то?

Груша толкнула Таиску:

– Ступай, что же ты! Всё старшие должны?

Таиска побежала открывать дверь. Люди вошли, и в избе запахло снегом и морозом.

Пока мать разговаривала с женщинами, пока спрашивала, откуда они, да куда идут, да где немцы и где фронт, Груша и Таиска разглядывали девочку.

– Гляди-ка, в ботиках!

– А чулок рваный!

– Гляди, в сумку свою как вцепилась, даже пальцы не разжимает. Чего у ней там?

– А ты спроси.

– А ты сама спроси.

В это время явился с улицы Романок. Мороз надрал ему щеки. Красный как помидор, он остановился против чужой девочки и вытаращил на нее глаза. Даже ноги обмести забыл.



А девочка в синем капоре неподвижно сидела на краешке лавки.

Правой рукой она прижимала к груди желтую сумочку, висевшую через плечо. Она молча глядела куда-то в стену и словно ничего не видела и не слышала.

Мать налила беженкам горячей похлебки, отрезала по куску хлеба.

– Ох, да и горемыки же! – вздохнула она. – И самим нелегко, и ребенок мается... Это дочка ваша?

– Нет, – ответила женщина, – чужая.

– На одной улице жили, – добавила старуха.

Мать удивилась:

– Чужая? А где же родные-то твои, девочка?

Девочка мрачно поглядела на нее и ничего не ответила.

– У нее никого нет, – шепнула женщина, – вся семья погибла: отец – на фронте, а мать и братишка – здесь. Убиты...

Мать глядела на девочку и опомниться не могла.

Она глядела на ее легонькое пальто, которое, наверно, насквозь продувает ветер, на ее рваные чулки, на тонкую шею, жалобно белеющую из-под синего капора...

Убиты. Все убиты! А девчонка жива. И одна-то она на целом свете!

Мать подошла к девочке.

– Как тебя зовут, дочка? – ласково спросила она.

– Валя, – безучастно ответила девочка.

– Валя... Валентина... – задумчиво повторила мать. – Валентинка...

Увидев, что женщины взялись за котомки, она остановила их:

– Оставайтесь-ка вы ночевать сегодня. На дворе уже поздно, да и поземка пошла – ишь как заметает! А утречком отправитесь.

Женщины остались. Мать постелила усталым людям постели. Девочке она устроила постель на теплой лежанке – пусть погрееется хорошенько. Девочка разделась, сняла свой синий капор, ткнулась в подушку, и сон тотчас одолел ее. Так что когда вечером пришел домой дед, его всегдашнее место на лежанке было занято, и в эту ночь ему пришлось улечься на сундуке.

После ужина все уgomонились очень скоро. Только мать ворочалась на своей постели и никак не могла уснуть.

Ночью она встала, зажгла маленькую синюю лампочку и тихонько подошла к лежанке. Слабый свет лампы озарил нежное, чуть разгоревшееся лицо девочки, большие пушистые ресницы, темные с каштановым отливом волосы, разметавшиеся по цветастой подушке.

– Сиротинка ты бедная! – вздохнула мать. – Только глаза на свет открыла, а уж сколько горя на тебя навалилось! На такую-то маленькую!..

Долго стояла возле девочки мать и все думала о чем-то. Взяла с пола ее ботики, поглядела – худые, промокшие. Завтра эта девчушка наденет их и опять пойдет куда-то... А куда?

Рано-рано, когда чуть забрезжило в окнах, мать встала и затопила печку. Дед поднялся тоже: он не любил долго лежать. В избе было тихо, только слышалось сонное дыхание да Романок посапывал на печке. В этой тишине при свете маленькой лампы мать тихонько разговаривала с дедом.

– Давай возьмем девочку, отец, – сказала она. – Уж очень ее жалко!

Дед отложил валенок, который чинил, поднял голову и задумчиво поглядел на мать.

– Взять девочку?... Ладно ли будет? – ответил он. – Мы деревенские, а она из города.

– А не все ли равно, отец? И в городе люди, и в деревне люди. Ведь она сиротинка! Нашей Таиске подружка будет. На будущую зиму вместе в школу пойдут...

Дед подошел, посмотрел на девочку:

– Ну что же... Гляди. Тебе виднее. Давай хоть и возьмем. Только смотри, сама потом не заплачь с нею!

– Э!.. Авось да не заплачу.

Вскоре поднялись и беженки и стали собираться в путь. Но когда они хотели будить девочку, мать остановила их:

– Погодите, не надо будить. Оставьте Валентинку у меня! Если кто родные найдутся, скажите: живет в Нечаеве, у Дарьи Шалихиной. А у меня было трое ребят – ну, будет четверо. Авось проживем!

Женщины поблагодарили хозяйку и ушли. А девочка осталась.

– Вот у меня и еще одна дочка, – сказала задумчиво Дарья Шалихина, – дочка Валентинка... Ну что же, будем жить.

Так появился в селе Нечаеве новый человек.

Утро

Валентинка не помнила, как уснула на теплой лежанке. Голоса слились и отдалились, будто где-то смутно бормотало радио.

Откуда-то появился старик с косматыми бровями, наклонился над ней, что-то говорил. И потом пропал. Был он на самом деле или приснился Валентинке?

Она проснулась оттого, что звякнули ведром. Ей показалось, что это пуля звякнула в окно, и она вскочила, еле сдержав крик: «Немцы!»

Но тут же опомнилась. Тишина окружала ее. На бревенчатых стенах, проконопаченных светлой паклей, лежали бледные солнечные полосы. Замороженные окошки тихо светились. Какие маленькие окошки! Совсем не похожие на те высокие окна, которые были в их доме.

Их дом!

Мертвые серые стены с дырами вместо окон, груды извести и кирпича возле дверей – вот каким в последний раз она видела этот дом...

Густое тепло окутывало Валентинку. Оно проникало сквозь подстилку – лежанка была хорошо прогрета. Оно заполняло густые завитки бараньего тулупа, которым была укрыта Валентинка. В первый раз за много дней и ночей она почувствовала, что согрелась.

А ей среди снеговых просторов уже начинало казаться, что все ее тело пронизано тонкими льдинками, которые больше никогда не растают. А вот сейчас она чувствует, что этих льдинок больше нет и что вся она живая и насквозь теплая.

В кухне хозяйка топила печь. Веселые отблески огня играли на стене. На печке кто-то сладко посапывал. Валентинка заглянула туда. Краснощекий, вихрастый парнишка крепко спал, оттопырив губы.

«Романок! – вспомнила Валентинка. – А где же девочки?» И тотчас почувствовала, что на нее кто-то смотрит. Валентинка приподнялась, оглянулась. Солнечные полосы на стенах стали ярко-желтыми, на замороженных стеклах заиграли огоньки. Солнечный денек начался на улице!

А из угла, из-за спинки грубой деревянной кровати, любопытными глазами глядела на нее рыжеватая девчонка. Светлые косички, будто рогульки, торчали кверху.

Валентинка узнала Таиску.

– А твои тетеньки ушли! – сказала Таиска.

Валентинка встревоженно оглядела избу:

– Ушли? А меня... А я как же?

– А ты у нас будешь жить. Мне мамка сказала. Тебе хочется у нас жить?

– Не знаю. Мне все равно.

– А ты фашистов видела? Они страшные?

Валентинка молчала. Когда начинали говорить про немцев, у нее каменело сердце. Но Таиска не унималась:

– А немцы прямо к вам в дом пришли, да?...

Из кухни появилась мать.

– Это кто здесь про немцев затеял? – сердито сказала она. – Больше разговоров не нашли? Картошка сварилась, вставайте чистить!

Потом подошла к Валентинке и ласково спросила:

– Отогрелась?

Таиска живо соскочила с постели и растолкала Грушу. Груша поднялась лениво. Она была пухлая, белая, похожая на булку. Она одевалась, а сны все еще снились ей. Далекими глазами посмотрела она на Валентинку: может, и Валентинка ей тоже снится?

Девочки уселись возле чугуна с картошкой. Над чугуном поднимался горячий пар.

– Мамка, гляди-ка! – шепнула Таиска, показывая на Грушу.

Груша в полусне вместо ножа взяла ложку и водила ею по картошине. Мать и Таиска громко рассмеялись.

Груша очнулась, бросила ложку и сказала:

– Тогда пусть и Валентинка встает картошку чистить. Старшие чистят, а она нет?

– Вставай, дочка, пора! – сказала мать.

Валентинка с сожалением вылезла из-под тулупа. Она умылась над кадкой и тоже подошла к чугуну.

Как чудно! Чужая женщина зовет ее дочкой. Значит, и Валентинка должна называть ее мамой?

Валентинка чистила горячую картошку, обжигала пальцы, а сама то и дело взглядывала на хозяйку. Худенькая женщина с гладкими светло-русыми волосами. На лбу у нее три морщинки. Сквозь рыжеватые ресницы весело поглядывают яркие синие глаза. Может быть, она добрая... Только совсем, совсем не похожа она на молодую черноволосую Валентинкину маму.

«Мама! Мамочка!...»

Страшный суд Таиске попадает от матери

Дверь хлопнула. Кто-то вошел в избу. Валентинка оглянулась и чуть не уронила картошину. Лохматый старик, который пригрезился ей вчера, стоял у порога и снимал полушубок.

– Кто это? – прошептала она.

– Это наш дедушка, – ответила Таиска. – Отцов отец.

Какие густые белые у него кудри! И какие косматые брови, даже глаз не видно!

Вот таким стариком пугали Валентинку, когда она была совсем маленькая: «Если будешь плакать, придет старик с мешком и заберет тебя!» Теперь она будет жить у этого старика в доме и называть его дедушкой. А он, как видно, сердитый...

Мать поставила на стол блюдо картошки со шкварками.

Романок почувствовал вкусный запах и поднял вихрастую голову:

– Ишь какие! Сами едят, а меня не зовут!

– Спать-то и не евши можно, – ответил дед.

Но Романок уже соскочил с печки.

Валентинка не знала, куда ей садиться.

– Садись к окошку! – шепнула ей Таиска.

Валентинка села. Это было самое удобное место: и никто не толкает, и можно в про-
талинку заглядывать на улицу.

– Мамка! – вдруг закричала Груша. – Ну посмотри, она на мое место села!

– Ну и что ж! – ответила мать. – Пусть сидит.

– Нет, не пусть! Я всегда там сижу! Уходи оттуда, постарше тебя есть!

Валентинка молча встала. Но когда она хотела сесть на табуретку, которая стояла рядом, Романок закрыл ее руками:

– Не садись! Это я принес!

– Иди сюда, – сказала мать Валентинке, – садись рядом со мной. Да руки-то, не стесняйся, протягивай. Бояться тебе некого, ты теперь здесь не чужая.



Валентинка ждала, когда ей дадут тарелку. Но никаких тарелок не подали на стол, а все ели прямо из большой миски. Ложки у нее тоже не оказалось. Она сидела молча, положив руки на колени, и не знала, что делать.

– Ты что же не ешь? – спросила мать. – У нас зевать некогда, как раз без завтрака останешься.

Романок и Таиска переглядывались и потихоньку смеялись чему-то.

– Ты что же это, видно, картошку не любишь? – сказал дед. – Ну, да ведь у нас не город. Колбасу не продают.

Валентинка сидела опустив голову. Она думала, что это ей нарочно не дали ложку и теперь смеются. Может, ей встать и уйти из-за стола?

– Да у нее ложки нет! – догадалась Груша. – Куда же она ложку дела? Ведь я всем подавала.

– Как так нету? – живо сказала Таиска. – Да вот она лежит.

И она отодвинула хлебную ковригу, за которой притаилась деревянная ложка.

– Это что еще? – закричала мать. – Что за фокусы?... Валентинка, возьми ложку да хлопни ее по лбу, чтоб ей в другой раз неповадно было!

И тут же сама хотела хлопнуть Таиску. Но девчонка живо юркнула под стол.

– Вот и сиди там! – сказала мать. – Мало тебе над Романком мудрить, так теперь к другой привязалась?... А ты, Валентинка, что сидишь, как курица? Видишь – ложки нет, кричи: «Дайте мне ложку!» Разве можно себя в обиду давать?

– А меня Таиска один раз на худой стул посадила, – сказал Романок, – я даже шлепнулся!

Таиске надоело сидеть под столом. Она вылезла с другой стороны, возле деда, здесь уж мать ее ни за что не достанет!

Сначала Таиска сидела хмурая, но скоро все забыла и опять повеселела. Когда налили чай, она придвинула Валентинке синюю мисочку и шепнула:

– Бери сахар!

Валентинка положила, как дома, две ложки. А Таиска уже снова сидела возле Романка, и снова оба давились от смеха.

Валентинка хлебнула чаю, сморщилась и поставила чашку обратно. Таиска и Романок так и прыснули.

– Что, обварилась? – спросил дед. – Ты не по-городскому пей, а по-нашему, по-деревенски – из блюдечка. Вот и не обваришься.

– Мамка, – крикнула Груша, – гляди-ка, да они ей вместо сахара соли дали!

Мать хотела схватить Таиску за косички, но та выскочила из-за стола и убежала в горницу.

Мать налила Валентинке свежего чаю:

– Пей, дочка!.. А ты, Таиска, запомни: уж доберусь я до тебя – не проси милости!

Новые знакомые

Груша ушла в школу. В сумку с книгами она засунула бутылку молока, кусок хлеба и сладкую пареную брюкву. До обеда далеко – проголодаешься.

Таиска позвала Валентинку в горницу и вытащила из-под кровати ящик. Там лежали ее куклы, все растрепанные, раздетые, с облупленными носами. Но у Валентинки, когда она увидела их, даже румянец проступил на щеках. Как давно уже не играла она в куклы! Таиска схватила одну куклу за ногу, показала:

– Это Верка!

Другую подняла за косу:

– Это Клашка!

Потом снова пошвыряла в ящик:

– Ну их! Пойду на улицу!

Таиска убежала гулять. Романок увязался за ней.

Мать села чинить белье: завтра суббота, надо всей семье баню устраивать, надо чистые рубашки приготовить. А Валентинка под села к ящичку. И тотчас куклы ожили и заговорили с ней.

– Где вы были? – спросила Валентинка. – Почему вы такие растрепанные? Почему вы голые?

– Это мы от немцев бежали, – отвечали куклы. – Мы все бежали, бежали – по снегу, через лес...

– Ну ладно, ладно! Не будем про это говорить... Сейчас надо сшить вам платья. Посидите немножко.

Валентинка подошла к матери:

– Пожалуйста...

И запнулась. Валентинка не знала, как назвать ее. Тетя Даша? Но ведь эта женщина ее в дочки взяла! Значит, мама?...

А мать глядела и ждала, как девочка назовет ее.

– Пожалуйста... дайте мне иголку и ножницы.

Мать усмехнулась, подала ей иголку и ножницы. Девочка поспешно отошла. Какое красивое желтое платье получается для Веры! Какое нарядное!

И вот в то время, когда Валентинка одевала в новое платье куклу, на крыльце раздался топот, смех, говор, и в избу ввалилась целая ватага девчонок и маленьких ребятишек. Впереди была Таиска.

– Что это? – удивилась мать. – Никак, всей деревней явились?

– Явились! – ответила Таиска.

– Вот хорошо-то! Не видали тут вас с вашим озорством!

– Да мы, мамка, не будем озоровать. Вот только девчонки Валентинку посмотрят, и все. Ведь хочется же им посмотреть!

И не успела мать ответить, как орава уже хлынула в горницу. А чтоб не топтать полы, почти все сбросили у дверей валенки и зашлепали босыми пятками по белым половицам.

Валентинка растерялась. Она смотрела то на одну, то на другую большими, немножко испуганными глазами. Чего они хотят? Что им надо?

Сначала все молчали. Девчонки подталкивали друг друга, хихикали и с любопытством разглядывали Валентинку.

Первой заговорила Таиска:

– Она городская! Всегда в городе жила! Там дома знаешь какие? Избу на избу поставь, и то мало!

Одна из девчонок, толстоногая Аленка, под села к Валентинке:

– У тебя куклы были?

– Были, – тихо ответила Валентинка. – У одной глаза закрывались.

– А еще чего было?

– Посуда.

– А мы посуду из глины делаем, – вмешалась черноглазая Варя. – Всё: и чашки, и чайники...

– У! Ты погляди только, какая у нас посуда! – затараторила Таиска. – Только у меня побилась вся, вся до крошечки! Вот у Вари...

– А у меня? А у меня плохая? – закричала Аленка. – У меня даже с цветочками!

И девочки наперерыв начали рассказывать Валентинке, как летом они ходили в овраг за глиной (в этом овраге даже пещерки сделались!), как мочили эту глину, как мяли, как лепили из нее кукам посуду, а потом сушили на солнце. И тарелочки делали, и чугушки, и кринки! А Славка Вихрев даже самовар сделал. И печку из глины сделали, и даже топили ее прямо по-настоящему, настоящими дровами: и огонь горел, и дым в трубу шел!..

Но им бы не догадаться это сделать, если бы не Груша. Груша тогда в школу пошла, и там учительница им показала, как из глины грибы лепить. Груша принесла глиняный гриб домой и показала Таиске. Вот Таиске в голову и пришло: «Если можно гриб слепить, то, может, и еще что-нибудь можно?» А Груша говорит: «Больше ничего нельзя. Раз учительница показала гриб, значит, и можно только гриб». А вот они пошли в овраг да и начали все лепить!

– А меня возьмете посуду делать? – спросила Валентинка. – А я сумею?

– Сумеешь, – ответила Таиска. – Романок и то чего-то слепил: не то санки, не то гуся.

– И вовсе танкетку! – сказал Романок. – Не разглядит ничего, а тоже!..

– А где этот овраг?

– А вот, за усадьбами. Только сейчас там сугробы!

– Весной пойдем, когда растает.

– А я знаю, где одна птичка живет! – сказал Романок. – В малиннике. Как лето, так и опять там живет. Гнездышко и сейчас там висит...

– Птичка? – обрадовалась Валентинка. – И каждый год прилетает? В свое гнездышко? Какая она – серенькая?

– Как зола. А грудка синенькая...

– Это варакушка.

– А ты почему знаешь? – удивилась Таиска. – Видела разве?

– Живую не видела, – ответила Валентинка, – а в книге видела. Такая маленькая, серая, с голубой грудкой... Ты мне ее покажешь, Романок?

– А в этой книге и другие птицы были? – спросила Варя.

– Да. Там все птицы были, какие только есть на свете. Все нарисованы. Мама читала мне про них, а я глядела картинки. Там и колибри есть.

– Какие колибри?

– Такие. Маленькая птичка, с наперсток. И вся будто драгоценными камнями усыпана, так и блестит!

– Такие не бывают, – сказала Аленка.

– А вот и бывают! – крикнула Таиска. – Мало ли какие бывают! И не такие еще – с горошину бывают!.. Правда, Валентинка?

– А где эта книга? – спросила Варя. – Ты ее не принесла с собой?

– Нет.

– Эх ты, завязала бы в узелок и понесла!

– Я не знала...

– Что не знала?

– Я не знала, что все так будет...

Таиска быстро оглянулась на мать и прошептала:

– А как все было-то? Немцы твоих родных убили, да?

– Да.

– И мамку твою, да?

– Да.

Валентинка перестала улыбаться. Она тихо и безучастно положила в ящик куклу в желтом платье...

Ей сразу вспомнился страшный день, последний ее день в городе... Город бомбят. Их дом стоит, окутанный дымом и пылью. Вместо окон темные дыры. На ступеньки выбегает мама с маленьким Толей на руках. Валентинка видит ее, как живую. Вот она – в синем платье, с черной развевающейся прядкой волос. Она испуганно кричит: «Валя! Валечка!..» Вдруг – удар. Бомба... Валентинка опомнилась среди каких-то разбитых бревен – видно, ее отбросило волной – и отсюда увидела черную яму, груды обломков и клочья синего платья под рухнувшими кирпичами... Она царапала эти кирпичи, раскидывала их, кричала, звала маму. Мама не откликнулась. Чужие женщины оттащили ее от развалин и насильно увели куда-то. И потом дорога, деревни, снега, лес... И все время мороз...



– Вы чего там затихли? – беспокойно спросила мать. – Что случилось?

Она вошла в горницу и сразу увидела помертвевшее лицо Валентинки.

– Об чем разговор был, ну? – обратилась она к девочкам. – Вы что ей сказали?

– Мы ничего... – ответила Варя. – Мы только про книжку...

– А про немцев даже и не говорили, – добавил Романок. – Таиска только спросила: правда, что ее мамку фашисты убили?

Мать рассердилась. Ух, как она рассердилась, даже покраснела вся! Она схватила Таиску за руку, нашла и выгнала из горницы.

– Бессовестная! – кричала она на Таиску. – Жалости у тебя нету! Сердца у тебя нету! Или у тебя вместо головы пустой котелок на плечах?!

Таиска ревела, а девочки, видя такую грозу, бросились в кухню, поспешно надели свои валенки и одна за другой шмыгнули за дверь.

– Иди сюда, дочка! – ласково сказала мать Валентинке. – Иди посиди со мной, послушай, что я расскажу тебе.

Валентинка молча уселась на скамеечку возле ее ног. Мать рассказывала какую-то сказку. Валентинка не слышала ее. Мама стояла у нее в глазах, стояла такая, какой она видела ее в последний момент, испуганная, с развевающейся прядкой. И Толя, обхвативший ее шею обеими руками...

«Мама! Мамочка! Мамочка!..» – повторяла про себя Валентинка, обращаясь не к этой, живой, а к той, умершей. И вдруг посреди веселой сказки она уткнулась в серый фартук женщины и громко заплакала.

Мать не утешала Валентинку. Она только гладила ее темные волосы:

– Поплачь, поплачь, дочка! Поплачешь – сердце отойдет...

Таиска, у которой давно высохли слезы, с удивлением смотрела на Валентинку. Что это? Таиска ревела – так ведь ее напледали. А Валентинка чего ревет? Ведь ей же сказку рассказывали!

– Большая, а плачет, – сказал Романок. – Я, когда был большой, никогда не плакал!

– Дурачок! – прошептала мать и улыбнулась сквозь слезы.

Мать устраивает необыкновенную баню

В субботу вечером, убрав скотину, мать вытащила из печки огромный чугунок с горячей водой и сказала:

– Ребятишки, готовьтесь!

– Сейчас в печку полезем! – закричала Таиска. – Париться!.. Валентинка, в печку полезем!

Валентинка думала, что Таиска вышучивает ее. Как это они вдруг полезут в печку?

– Чудная эта Валентинка, – сказала Груша, – ничего не понимает. А еще городская!

Тем временем мать вытащила из печки все горшки и кринки, настелила всюду свежей соломы – и в самой печке, и на шестке, и на полу возле печки. Налила в таз горячей воды, сунула в него березовый веник и поставила в печку.

– Баня готова, – сказала она. – Кто первый?

– Я! – закричала Таиска, живо сбрасывая платье. – Я готова!

– Ну уж нет, – возразила Груша, – ты успеешь. Тут и постарше тебя есть!

Но пока-то Груша говорила, пока-то развязывала пояс, Таиска уже залезла в печку. Мать прикрыла ее заслонкой, а Таиска плескалась там и выкрикивала что-то от избытка веселья.

– Лезь и ты, – сказала мать Валентинке. – Печка широкая, поместитесь.

– Я измажусь вся! – прошептала Валентинка.

– А ты осторожнее. Стенок не касайся.

Валентинка разделась, неловко полезла в печку и тут же задела плечом за устье, черное от сажи.

– Разукрасилась! – засмеялась мать.

– Лезь, лезь скорее! – кричала Таиска из печки. – Иди, я тебя веничком попарю!

Валентинка боялась лезть в печку. Но когда влезла, ей вдруг эта баня очень понравилась. Блаженное тепло охватило ее. Крепко пахло веником и свежей соломой. Таиска окунула веник в мыльную воду и принялась легонько хлестать ее по спине. Потом терли друг друга мыльной мочалкой. И все это было очень приятно.

В печке было темно, только щелочка вокруг заслонки светилась, как золотая дужка. Эта жаркая пахучая тьма, эта шелковистая влажная солома под боком, этот веник, одевающий теплым дождем, – все размаривало, разнеживало, отнимало охоту двигаться. Даже Таиска утомилась и прилегла на солому.

Валентинке вспомнилась сказка про Ивашечку. Вот он так же сидел в печке, прятался от Бабы Яги. И представилось ей, будто она и есть Ивашечка. Она притаилась и слушала, не летит ли на помеле Баба Яга.

Но в печке долго не просидишь. Стало душно. Хотелось высунуться, глотнуть свежего воздуха.

– Мне жарко... – прошептала Валентинка.

– Мне тоже, – сказала Таиска. И закричала: – Мамка, открывай!

– Ага, запарились! – сказала мать и открыла заслонку.

Таиска выкатилась из печки, как колобок. А Валентинка опять зацепилась и посадила на плечо черную отметину. Пришлось замывать. Мать посадила их в корыто, облила теплой водой, дала холщовое полотенце.

– Вытирайтесь, одевайтесь – и марш на лежанку сохнуть!

Валентинке казалось, что никогда еще чистое белье не пахло так свежо, как пахла эта заплатанная рубашка, которую дали ей. Все ее тело как будто дышало. Влажные руки все еще пахли веником. Это был такой новый для Валентинки запах, такой крепкий и необычный!

За ужином дед спросил:

– Ну как нашей барышне баня показалась? Понравилась или нет?

– Понравилась, – тихо ответила Валентинка.

Но дед не поверил:

– Ну, где же там! В городе-то в банях и светло, и тепло, и шайки тебе, и души всякие, а тут – словно горшок с кашей в печку посадили. Ну, да уж не взыщите, у нас городских бань нету!

«Я и не взыщу, – хотелось ответить Валентинке. – Мне в печке мыться очень понравилось, даже лучше, чем в бане!»

Но она уткнулась носом в кружку с молоком и ничего не ответила. Она боялась деда.

У Романка появляется танковая бригада На белом столешнике расцветают алые цветы

В этот день раньше всех проснулся Романок. Его разбудил приятный густой аромат, который носился по избе. Пахло чем-то сдобным... Возле печки на широкой лавке в два ряда лежали большие румяные лепешки с картошкой и с творогом.

Романок живо вскочил с постели:

– Мамка, какой нынче праздник? Опять Новый год, да?

– Ваша мамка нынче именинница, вот вам и праздник, – ответила мать. И, вздохнув, добавила: – Только вот нынче отца нет с нами. И письма нет...

Было раннее утро, поэтому все были дома: и дед еще не ушел на работу, и Груша еще не ушла в школу, и Таиска еще не убежала к подружкам.

Дед молча понурил голову. Давно нет письма с фронта. А на фронте все время бои.

– А в прошлом году отец был, – сказала Груша. – Он мне всегда говорил: «Учись, учись хорошенько!» Он мне...

– Он – тебе! – прервала Таиска. – Как будто он только с тобой и разговаривал! И мне тоже говорил: «Таиска, не озоруй смотри!..»

– А мне говорил: «Расти скорей!» – добавил Романок.

Все начали вспоминать, как и что говорил отец. Вот бы он приехал! Ну хоть бы на побывочку завернул!.. А мать отвернулась и украдкой смахнула слезы.

Только Валентинка молчала. Она не видела отца Шалихиных, не знала его, и он ее не знал.

– Ну ладно, хватит! – сказала мать. – Будет нам счастье, глядишь – и Гитлера разобьют, и отец наш вернется с фронта. А пока что лепешки на столе. Садитесь завтракать!

После завтрака мать позвали в колхозное хранилище разбирать картошку. Она быстро собралась и ушла.

– Когда наша мама была именинница, ей всегда что-нибудь дарили, – сказала Валентинка.

– Кто дарил? – живо спросила Таиска.

– Все. И я тоже. Я один раз ей картинку нарисовала и подарила.

У Таиски заблестели глаза.

– Давайте и мы нашей мамке что-нибудь подарим!

– А что, ну что ты подаришь? – спросила Груша. – Ну что ты умеешь?

– А ты что?

Груша задумалась. Может быть, чулки связать? Но ведь чулки сразу не свяжешь.

Еще когда начала чулок, а все никак до пятки не доберется. Вот такая эта мамка, не могла заранее сказать – Груша поспешила бы!

– А я знаю, что сделаю! – закричала Таиска. – Я сейчас все до одной кринки вымою, все до одной кастрюли вычищу, и все ложки, и все вилки!.. Чтобы все блестело! Что, не сумею? Да?...

Таиска налила в лоханку горячей воды, собрала всю немытую посуду и взялась за дело.

Грязные брызги, зола, сажа – так все и разлеталось кругом от ее мочалки, так и гремели кринки в ее руках, так и гудели кастрюли...

– Вот так подарок! – сказала Груша. – Уж я если придумаю, так хорошее что-нибудь!

– Романок, а ты что?

– А не видите – что?

Романок на широкой выбеленной печке рисовал углем танки. Впереди огромный, с тяжелыми гусеницами, с большой пушкой – это «КВ» («Клим Ворошилов»). А за ним еще танки поменьше, легкие, подвижные.

К соседям вернулся с фронта раненый сын. Он танкист, и Романок хорошо знаком с ним. Он рассказывал Романку, как бояться немцы крепких и быстроходных советских танков. Романок потому и нарисовал их побольше. Все танки шли от печурок к окнам и палили из пушек. Снаряды рвались кругом и даже взлетали на дымоход, к самому потолку.

Валентинка глядела на Романка, на Таиску, на Грушу. Все они что-то подарят матери.

А разве Валентинке не хочется подарить ей что-нибудь?

«Она их мама, а не моя, – упрямо подумалось ей, – пусть они и дарят...»

Но все-таки ей очень хотелось подарить что-нибудь маме – тете Даше. Пусть она не настоящая мама, все равно!

– А ты возьми и тоже нарисуй что-нибудь, – сказала ей Таиска. – Вон там, под лавкой, стоит баночка с краской, дед кровать красил. И знаешь что? Возьми эту краску и нарисуй цветы вот тут на столешнике, вроде каймы. Я бы сама нарисовала, если бы умела.

– А разве хорошо будет? – спросила Валентинка.

– А почему же нехорошо? Цветы! Если бы я умела! Да ты не будешь, я знаю. Что она тебе – родная разве!

Валентинка на минутку задумалась. Можно ли рисовать цветы на скатерти? Ее мама, наверно, сказала бы, что нельзя. Но там было нельзя, а здесь, может быть, можно? Ведь разрисовал же Романок печку!

Валентинка полезла под лавку и достала баночку с краской. Потом встала на колени возле стола и на нижнем углу белого столешника робкой рукой намалевала большой красный цветок.

– Ой, до чего красиво! – сказала Таиска. – Как живой! У нас такие летом в палисаднике растут!.. Рисуй еще!

Второй цветок вышел лучше. Лепестки у него росли шире и смелее. Третий вышел немножко кривой, но это было почти незаметно.

Романок оставил свои танки и рвущиеся снаряды и круглыми синими глазами с удивлением смотрел, как на белом столешнике расцветают алые цветы.

– И-и!.. – вдруг раздалось испуганное восклицание. – Что наделали!

Груша вышла из горницы с книгой в руках и остановилась на пороге:

– Что наделали! Весь столешник испортили! Ну уж и попадет вам теперь!

У Валентинки дрогнула кисть, и последний лепесток у последнего цветка загнулся, будто опаленный зноем.



Таиска, Романок и Валентинка глядели на Грушу, глядели друг на друга. Смутное сознание, что получилось как-то неладно, охватило их. А что же плохого, если на белом столешнике будут красные цветы? Но вот Груша говорит: «Попадет!»

Груша вздернула пухлую верхнюю губу и сказала:

– Только, чур, меня не припутывать. Сами заварили кашу, сами и расхлебывайте.

– А я и не заваривал, – сказал Романок, – я только глядел.

– А что же, я заваривала, да? – закричала Таиска. – Я мою посуду и мою! И никаких цветов я на столешнике не делаю!

– Городская, а баловная! – строго сказала Груша. – Ишь что сбаловала!

И ушла в горницу.

У Валентинки сразу пропала вся радость. Она вытащила из своей желтой сумочки носовой платок и попробовала потихоньку стереть краску. Но краска была масляная, она не стиралась. Сердце Валентинки сжалось от страха и горя. Что она наделала! Зачем она послушалась Таиску? Что теперь скажет мать, что она скажет матери?

Валентинка спрятала баночку с краской и села в уголок. Скрип снега за окном, стук во дворе, чей-нибудь громкий голос на улице – все заставляло ее вздрагивать: мать идет!

И потом – дед. Что скажет дед, когда это увидит?

«Может, у вас в городе можно портить скатерти, ну а уж у нас этого нельзя! Таких барышень нам здесь не надо!» – вот что он скажет, наверно.

Может быть, полчаса прошло, может быть, час. Послышались шаги на крыльце, скрипнула дверь в сенях, и в избу вошла мать. Необычная тишина показалась ей странной. Она внимательно поглядела кругом.

– Это что такое?! – сердито закричала она, увидев разрисованную печку. – Это что за озорство такое?!

Взглянув на Таиску, она всплеснула руками:

– Ах ты чучело-чумичело! Ну погляди, на кого же ты похожа? Вся в саже! А руки! А платье!

Увидев красные цветы на белом столешнике, мать даже покраснела:

– Батюшки мои! Да что же это, в самом деле? Из избы выйти нельзя! Кто это намалевал, а? Кто?

Все трое смущенно поглядывали друг на друга. Только одна Груша спокойно и весело стояла у дверей горницы.

– Что, натворили подарочков?

Мать выдернула из веника прут:

– А ну-ка, Таиска, иди сюда, я тебя березовой кашей угощу! Я тебя научу, как цветы малевать на столешниках!

– Это не я! – крикнула Таиска.

– Это я намалевала... – тихо сказала Валентинка.

– Ты? – удивилась мать. – Ты? А кто тебя научил?

Валентинка взглянула на Таиску, встретила ее испуганные глаза и опустила ресницы:

– Никто не научил. Я сама хотела...

Мать, еще рассерженная, стояла, похлопывая хворостинкой по скамейке. У нее не поднималась рука отстегать Валентинку. Ну как ее тронуть, когда она и так вся дрожит? А с другой стороны, тем ребятам обидно: ведь Таиску-то она за то же самое отстегала бы.

– Это я хотела тебе подарок... – сказала Валентинка. – Мы все хотели тебе подарки подарить!

– Подарки! Какие подарки?

– Ну... Вот Романок для тебя танки нарисовал. А Таиска всю посуду вымыла. А я... я думала, с цветами красивее. Это мы такие подарки придумали, ведь ты же именинница сегодня!

У матери разошлись сведенные брови. Ей даже стало стыдно, что она так расходилась, не узнав, в чем дело. И она была рада, что не нужно никого ругать и наказывать. Она села на лавку, отбросила хворостину и засмеялась. В это время вошел дед.

– Отец, ты взгляни-ка! – со смехом сказала она деду. – Ты взгляни, пожалуйста, каких подарков они мне надали: и танков целую бригаду, и чистых кринок, и алых цветов... Ой, батюшки! Ну что за ребята у меня – одна радость!

Потом пригляделась к столешнику и добавила:

– А знаете, ребяташки, с этими цветами и вправду красивее!

Снова мир и веселье поселились в избе. Только одна Груша была не в духе. Она так и не успела придумать подарка для матери.

Гости пьют чай с лепешками и осуждают мать

В сумерки, после того как убрали скотину, к матери пришли гости. Стол был накрыт, кипел самовар, и лепешки красовались в широком блюде.

Первой ввалилась в избу толстая тетка Марья в широком сборчатом полушубке. Она размашисто перекрестилась на передний угол и, по старинному обычаю, отвесила поклоны – сначала деду, затем матери. Потом разделась, но оставила на плечах большой пестрый платок. И Валентинке сразу вспомнилась ватная грелка-баба, которую мама сажала на горячий чайник.

Тетка Марья посмотрела на ребят и зычно спросила:

– Живы, пострелы?

– Живы! – крикнула Таиска.

– А новенькая-то у вас где? Приемыш-то?

Романок ткнул Валентинку пальцем:

– Вот она!

Валентинка покраснела и опустила глаза.

– Да-а... – неодобрительно протянула тетка Марья. – Ничего бы девчонка, да уж больно тоща. Ишь ножки-то какие тоненькие!.. Ну куда же в деревню такую? Ни на воз подать, ни с воза принять...

– Вот и я так-то говорю, – отозвался дед. – В деревне жить – на земле работать. А землю, братцы, любить надо. Ну, а где ж ей! Барышня!

В избу вошла еще одна гостья, бабка Устинья, высокая старуха, сухощавая, подобранная. Она поклонилась хозяевам и, поджав тонкие губы, уставилась на Валентинку:

– Эту девчонку-то взяли?

– Эту, – ответила мать.

– М-м... Ну и что ж вы с ней делать будете?

– А что делать? Пусть растет!

– Растет-то растет. Да что из нее вырастет? Ни отца ее ты не знаешь, ни матери. А что они за люди были? Может, хорошие, а может, и не очень...

Валентинка взглянула на бабку Устинью и снова опустила ресницы.

– Во как зыркнула, видели?! – охнула бабка Устинья. – Так и съела глазищами-то!

– Садитесь чай пить, – сказала мать, – милости прошу.



Только уселись за стол, загремела в сенях дверь, и явилась новая гостья – тетка Василиса, по прозвищу Грачиха. Так прозвали ее за большой нос. Она тоже сразу стала разглядывать Валентинку:

– Ай-яй! Сразу видно, что не нашенская: ишь какое лицо-то белое! Приживется ли она у нас на черном хлебе-то?

Валентинка ушла в темную горницу и уселась в уголок. Уж очень неприятно, когда тебя разглядывают, будто какую-нибудь вещь!

Бабы за столом поговорили о войне, о том, что наши, слышно, гонят немцев; о том, что завтра всем колхозом возить дрова на станцию; о холстах, которые хорошо сейчас белить: солнышко начинает пригревать и снег стал едкий, все пятна отъедает... А потом снова заговорили про Валентинку.

– И куда ты, Дарья, набираешь себе ребят? – начала тетка Марья. – Время трудное, семья у тебя большая, мужик твой на войне – либо вернется, либо нет... И не работница она: уж такая-то хлипкая! Да с ней в поле-то нагоришься!

– Нет, нет, не будет добра, – подхватила бабка Устинья. – Не будет она тебя, Дарья, ни любить, ни почитать. Как есть ты ей чужая, так чужая и останешься. Да она и по масти-то к твоей семье не подходит: вы все белесые, а она вишь темная!

– Э, бабы, полно-ка вам! – возразила Грачиха. – Можно ведь и по-другому рассудить. Ну, а куда, скажем, вот таким сиротинкам деваться? Ведь сейчас война. Мало ли их, горемык, останется? Что же теперь делать! Уж как-нибудь...

Валентинка ждала, что скажет мать. Неужели она тоже согласится с теми двумя? Что же тогда делать Валентинке? Как жить в этом доме, где ее никто не будет любить?

Мать выслушала своих гостей, оглянувшись, нет ли тут Валентинки, и сказала в раздумье:

– Что семья у меня большая – это меня не печалит: хлеба на всех хватит. Что работница из нее хорошая не выйдет – ну что же делать! Как сможет, так и сработает. И это меня не заботит. Но вот что меня заботит, бабы, – продолжала мать грустно, – что меня печалит, так это одно: не идет в родню, не ластится. Не зовет меня матерью, никак не зовет. Не хочет! Или уж и вправду, как была чужой, так чужой и останется?

Валентинка вздохнула. Она глядела из своего угла на мать, которая сидела в кухне за столом, задумчиво подпершись рукой.

– Мама... мама... – неслышно прошептала Валентинка.

Ей хотелось соединить это слово и эту женщину. Но ничего не получалось. Женщина оставалась тетей Дашей. И с этим Валентинке ничего нельзя было поделать.

В тот же вечер, проводив гостей, мать достала чернила и перо, попросила у Груши бумаги и села писать письмо. Она писала письмо на фронт своему мужу о том, что с делами в колхозе понемногу справляются, что в доме все благополучно и что ребятишки здоровы и ждут отца.

«...А еще вот что, – писала она, – нужен мне твой совет. Я взяла в дом девочку Валентинку – сироту, беженку. Думаю, что я это хорошо сделала. Но вот некоторые люди говорят, что напрасно, и ругают меня за это. Что ты скажешь? Как посоветуешь? А может, люди правду говорят, что чужое не приживается?...»

Девочки остаются в доме одни и ведут хозяйство

Мать еще затемно уехала с дровами на станцию.

Когда забрезжило в окнах, дед разбудил Грушу:

– Молодая хозяйка, вставай! Пора печку топить. В школу не пойдешь сегодня – дома некому.

Груша не могла открыть глаза, не могла голову поднять с подушки. Но дед не отставал:

– Вставай! Теленок поила просит. Куры у крыльца собрались, корму ждут. Вставай и подручных буди. А мне некогда с вами долго разговаривать: меня в амбаре ждут!

Дед ушел. Груша встала и тут же разбудила Таиску и Валентинку:

– Идите помогать. Одной, что ли, мне все дела делать?

– Мои дела, чур, на улице, – сказала Таиска, – а в избе ваши!

Таиска живо оделась. И пока полусонная Груша укладывала дрова в печке, Таиска сбегала на задворки, принесла охапку морозного хвороста, схватила ведро и пошла за водой.

Груша затопила печь. Жарко запылали тонкие, хрупкие прутья. Но хворост прогорел, а дрова задымились и погасли. Груша начала раздувать. Дым ударял ей в глаза. Груша сердилась и чуть не плакала с досады.

– А ты что стоишь и только смотришь? – закричала она на Валентинку. – Думаешь, тебе дела нет? Ступай, еще хворосту принеси!



Валентинка накинула платок, вышла на улицу и остановилась. Как хорошо! Розовые облака в светло-голубом небе, розовые дымки над белыми крышами, острые огоньки на сугробах. И морозец – легкий, скрипучий. А в воздухе уже что-то неуловимое, напоминающее о весне...

Валентинка прошла на задворки и вытащила из-под снега охапку хвороста. Груша встретила ее на пороге и нетерпеливо выхватила хворост из ее рук:

– За смертью тебя посылать! Тут печка совсем погасла, а она идет не идет. Правду тетка Марья сказала: ни с возу, ни на воз!

Валентинка молча исподлобья глядела на светло-русый Грушин затылок, на ее голые локти с ямочками. Никогда еще не видела она такого неприятного затылка и таких неуклюжих рук. А голос какой резкий!

«Была бы тетя Даша дома, так ты на меня так не кричала бы, – думала она, – побоялась бы матери. А вот без нее...»

И вдруг пустой, неуютной и печальной показалась ей изба. словно солнце ушло за тучу, словно погас огонек, который озарял ее.

«Хоть бы скорее вечер! Хоть бы скорее она приехала!»

Но день еще только начинался, открывая целый ряд неожиданных неприятностей.

– Лезь в подпол за картошкой! – приказала Груша. – Вот бадейка, набери полную!

– Как – в подпол? – спросила Валентинка. – В какой подпол?

– Ну вот еще, какой подпол! Уж подпола не знает!

Груша подняла дверцу подпола. Валентинка заглянула – там было темно. Ну как это она туда полезет? Вдруг там... мало ли кто сидит! И какая же там картошка?

– Ну что же ты?! – закричала Груша. – Ведь так и печка прогорит, пока ты соберешься!

– Я не полезу, – прошептала Валентинка. – Я боюсь, там крысы...

– Какие крысы? Просто ты неженка, даже за картошкой слазить не можешь! Правду бабка Устинья говорит – с тобой нагоришься!

– Там темно же...

– Зажги лампу.

Валентинка зажгла маленькую синюю лампу, взяла бадейку и полезла в подпол. Свет лампы озарил земляные стены, кадки, покрытые деревянными кружками, кринки, яйца, уложенные в ящик и пересыпанные золой. Справа громоздился ворох картошки, круглой и крупной, как на подбор. Рядом красовалась желтая брюква. Из кучки песка торчали хвостики моркови... Оказалось, что в подполе совсем не страшно. Наоборот, интересно даже!

– Скоро ты? – крикнула сверху Груша.

– Сейчас! Только вот какой набрать: крупной или мелкой?

– Ну конечно, крупной! Мелкая на семена отобрана. Неужели не знаешь?

– Не знаю.

– Ну и чудная же ты! Все знают, а она не знает.

Валентинка еле подняла ведро с картошкой, еле втащила его наверх по лесенке, со ступеньки на ступеньку. На верхней Груша подхватила ведро:

– Ну вылезай скорей! Я теленку пойло приготовлю, а ты начисть картошки для супа и вымой... И где это Таиска запропастилась? Надо кур кормить, а ее нет и нет! И печка нынче что-то не топится. Горе с вами!

Проснулся Романок. Он свесил с печки вихрастую голову:

– Завтрак сварился?

В это время у Груши свернулся чугунок с ухвата, и вода зашипела на горячих кирпичках.

– Вот еще проснулся! – закричала Груша. – Чуть глаза откроет, так уже есть просит!

Наконец пришла Таиска, розовая, веселая. В синих глазах ее еще дрожал смех.

– Ты что же, за водой-то в Парфенки бегала? – напустилась на нее Груша.

– Да ты знаешь, сколько на колодце народу!

– Нисколько там народу! Просто в снежки с ребятами играла, вот и все! Смотри, в ведре даже лед намерз!

А потом повернулась к Валентинке:

– Ну, готова картошка? Это еще только три картошины очистила?... Таиска, бери ножик, помоги этой неумехе!

Но Таиска даже не подошла к Валентинке:

– Я сказала: мои дела на улице, а ваши в избе. Я лучше пойду кур кормить.

И снова скрылась, хлопнув дверью. У Валентинки ресницы набухли слезами. Она спешила, чтоб угодить Груше, но и ножик ее плохо слушался, и картошка из рук вывертывалась.

«И когда она придет наконец? – думала Валентинка. – Ну хоть бы поскорей, хоть бы поскорей!»

И прислушивалась, не скрипят ли сани у ворот, не слышится ли знакомый, такой напевный и ласковый голос...

Но вот картошка начищена. Груша заправила суп и поставила в печку. А потом налила пошла в широкую бадью и сказала:

– Вот, народу в избе много, а теленка напоить некому!

– Давай я напою, – робко предложила Валентинка.

– Ступай, если сумеешь.

Валентинка не умела поить теленка и не знала, где он. Но она взяла бадейку и тихонько пошла из избы.

Груша догадалась:

– Романок, проводи нашу барышню. А то она какую-то колибру знает, а вот где теленок стоит – не найдет!

– У нас телят не было, сказала Валентинка.

– Эх, вы! – пренебрежительно протянула Груша. – Даже теленка не могли завести! Наверно, ленивые были!

У Валентинки засверкали глаза.

– Вовсе не ленивые! Мой папа до фронта целые дни на заводе пропадал. Он инженер был! И мама служила тоже!..

– Ну, ну, заговорила! – прервала Груша. – Пока говоришь, пойло остынет... Ой, кажется, дедушка завтракать идет, а у меня еще не готово! Из-за вас все!

Валентинка с Романком вышли во двор.

– Он у нас в овчарнике, – сказал Романок. – Вот дверь. Его Огонек зовут, потому что он рыжий! Иди! Только смотри овец не выпусти.

Когда Валентинка вошла в овчарник, овцы шарахнулись от нее в дальний угол. Они испугались Валентинки, а Валентинка испугалась их и остановилась у порога.

За высокой перегородкой стоял светло-желтый бычок. Он нетерпеливо совался мордой в щели перегородки и коротко мукал, вернее, макал:

«Мма! Мма!...»

Валентинка подошла к нему, и сердце у нее растаяло.

– У, какой хорошенький! У, какой миленький! И ножки белые, как в чулочках! А мордочка! А глазки черные, как черносливы!..

Валентинка открыла дверцу. Но не успела она войти за перегородку, как бычок отпихнул ее, выскочил оттуда, бросился к бадейке и тут же опрокинул ее. Теплое пойло зажурчало сквозь подстилку.

Валентинка в ужасе подхватила бадью, но там было пусто. Бычок сердито стучал в дно бадьи, облизывал крошки жмыха со стенок. Но пошла не было, и он принялся орать во весь голос.

– Противный! – чуть не плача, крикнула Валентинка. – И пролил все! И сам выскочил! Иди обратно! Иди!..

Но бычок и не собирался лезть обратно. Он принялся играть и бегать по тесному овчарнику. Овцы бросались от него, чуть не на стены прыгали. А ему это, как видно, очень нравилось: он фыркал, макал и подпрыгивал на всех своих четырех белых ногах.

Валентинка вышла из овчарника, захлопнула дверь, села на приступку и расплакалась.

– Уйду отсюда! – повторяла она. – Все равно уйду! Мне все равно... Пусть в лесу замерзну!

Наплакавшись, Валентинка вошла в избу и молча поставила пустую бадейку. На столе уже дымилась горячая картошка. Груша заметала шесток.

– Напоила? – спросила она.

– Нет... – ответила Валентинка.

– Как – нет? А пойло где?

– Он пролил...

– Ой!.. Ну ничего-то она не умеет! Ничего-то она не может! Вот уж барыню привели к нам! Правду тетка Марья говорила...

– Зачем сказала-то? – шепнула Валентинке Таиска. – Она бы и не узнала ничего!

– А бычок-то как же? Голодный будет целый день, да?

– Ну и что ж! Авось не околел бы!

– У таких хозяев, как ты, пожалуй, и околел бы! – вдруг сказал дед. Он стоял за дверью в горнице, вытирал полотенцем руки и слышал их разговор. – Скотину любить надо, жалеть. Вот видишь, городская, а и то жалеет. А тебе: «Ну и что ж!..» Сделай, Аграфена, пойло да снеси сама.

Груша поворчала, но пойло отнесла. Все обошлось.

Однако Валентинку томило что-то. Вот сейчас Груша опять даст ей какое-нибудь мудреное дело. А Таиска, вместо того чтоб помочь, засмеется и убежит на улицу, и Романок за ней. А дед хмурый, неприветливый, к нему не подойдешь... Ну до чего же далеко до вечера! А вдруг она и вечером не приедет?...

После завтрака начали убирать избу. Валентинке досталось мести пол. Ну, это она сумела, она и дома не раз подметала комнату.

Она вымела и горницу и кухню и смела сор с крыльца.

Утро было ясное, а день наступил сырой, серый, ветреный. С крыши срывалась капель. Среди голых веток щебетали воробьи. Какой холодный, хмурый день! Как холодно и грустно Валентинке! Надо, чтобы кто-нибудь ее любил, обязательно надо, чтобы кто-нибудь любил ее, был бы с ней ласков, чтобы кто-нибудь спросил ее, не хочет ли она погулять или покушать, чтобы кто-нибудь сказал ей: «Не стой без пальто на ветру – простудишься!» Когда человека никто не любит, разве может человек жить на свете?...

Где солнце на небе? Высоко ли оно еще или спустилось к вершинам леса? Ничего не видно за тучами. Валентинка продрогла и вошла в избу.

В избе было подозрительно тихо. Груша, Таиска и Романок сидели вокруг стола, уткнувшись лбами, и что-то рассматривали. Но едва Валентинка переступила порог, они испуганно оглянулись на нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.